

Константин Николаевич Леонтьев

Сквозь нашу призму

Константин Николаевич Леонтьев

Сквозь нашу призму

«...В одном из последних номеров «Современных известий» напечатаны очень любопытные сведения о «женском вопросе в Японии».

В этой Японии, недавно еще столь своеобразной и таинственной, а теперь, по-видимому, «бесповоротно вступившей» тоже на «всеспасительный» путь европеизма, умы заняты, между прочим, и женской эмансипацией, женской равноправностью и тому подобным. На *многоженство* начинают смотреть как на величайшую несправедливость, и японские дамы требуют себе права гражданского голоса на выборах...»

Содержание

#1	0005
I Благоразумные чехи	0006
II Японская дама	0010
III Наследство Хрущева	0015
IV Полезно ли самоуправство на улице?	0023
V Мы «Страну» сглазили!	0025
VI Ужасная взятка и возвышенная честность	0028
VII Революционеры и прогрессисты	0032
VIII Свобода проповеди	0036
IX Общество болгарских естествоиспытателей	0043
X Небывалое торжество	0046
XI Одинокое заключение	0050
XII Дама курит в церкви	0053
XIII Пророчество одного келецкого сапожника	0054
XIV Прозрачная щука	0058
XV Человек в бараньей шкуре	0061
XVI Волки в овечьих шкурах	0064

**Константин Николаевич
Леонтьев
Сквозь нашу призму**

(Так озаглавлен был в «Варшавском дневнике» 80-го года, под редакцией кн. Н. Н. Голицына, особый отдел, в котором редактор и сотрудники его делали разного рода заметки по поводу различных слухов, приключений, газетных сообщений и т. п. Я собрал здесь некоторые из составленных в то время мною подобных заметок.)

Благоразумные чехи

Мы прочли в газете «Le Nord» корреспонденцию из Вены (от 25 января н. с.), которая начинается так:

«В конце концов конституционалисты, опасавшиеся влияния чехов на иностранную политику монархии, не имеют основания слишком жаловаться на образ действия этой национальности. Доктор Ригер и его друзья не оказались враждебными относительно соглашения с Германией в том виде, как определил его барон Гаймерле, указавший в нем лишь гарантию безопасности, чуждую всякой наступательной задней мысли. Что же касается Берлинского трактата, то чешские депутаты вполне солидарны с правительством и требуют точного исполнения его постановлений, клонящихся к упрочению нового порядка вещей на Балканском полуострове. Разлад, быть может, и существующий в скрытом состоянии, обнаружится только в том случае, если кабинет Таффе захочет произвести на

славянское население полуострова давление, противное духу трактата. Существуют различные воззрения на миссию Австро-Венгрии в этих областях, и австрийские славяне имеют некоторые основания бояться, чтобы в глазах правительства промышленное и торговое преобладание, упроченное Берлинским трактатом за монархией Габсбургов, не привело к некоторого рода политической гегемонии, которая не будет признана полезной населением Балканского полуострова. Во время прений австрийской делегации доктор Ригер ясно высказал, что чехи вовсе не намерены содействовать попыткам, имеющим целью вовлечь Сербию, вопреки ее желанием, в экономическую сферу империи».

Все это очень благонамеренно, все это дышит «умеренностью и аккуратностью»...

«И волки сыты, и овцы целы».

Но – увы! – мы сознаемся в одном чувстве, не совсем уместном и приличном, когда речь идет о серьезных вопросах международной политики. Мы сами не знаем, почему эти *чешские дела* наводят на нас какую-то скуку.

Есть что-то несимпатичное в крупных пре-

тензиях этой небольшой, но многограмотной славянской нации. Есть что-то мелкое в ее колебаниях между *необходимой* Австрией и *этой* Россией, на которую глядят в Праге, вероятно, свысока, но признают весьма пригодною для легкого устрашения от поры до времени своего же немецкого начальства.

Уверяют, будто бы один знаменитый дипломат сказал (вероятно, тоже по случаю каких-нибудь утонченностей чешской политики): «Эти бедные чехи! Ils travaillent pour le roi de Prusse!»

Многозначительно и остро!

Если бы в этой полушутке и заключалось серьезное *пророчество*, то нам кажется, что и чешские бюргеры, давным-давно и притом плохо переведенные с немецкого языка на одно из славянских наречий, очень скоро примирились бы с новыми условиями своей жизни... А с другой стороны, и всеславянство не почувствовало бы глубокого лишения от утраты этой небольшой и более ученой, чем особенно умной нации, и без того самой географией так далеко втиснутой в немецкий Gesamt-Vaterland!

Несколькими сотнями тысяч либеральных
мещан будет меньше...

Трудно решить еще окончательно в *наше*
время, что такое *теоретический* панславизм:
заря восходящего солнца новой культуры или
далекое зарево и для нас, русских, весьма
опасного пожара? Но, во всяком случае, отра-
жение этого яркого и сомнительного света
представляется нам очень тусклым и некра-
сивым на мелкой зыби богемского болотца!..

II Японская дама

В одном из последних номеров «Современных известий» напечатаны очень любопытные сведения о «женском вопросе в Японии».

В этой Японии, недавно еще столь своеобразной и таинственной, а теперь, по-видимому, «бесповоротно вступившей» тоже на «всеспасительный» путь европеизма, умы заняты, между прочим, и женской эмансипацией, женской равноправностью и тому подобным. На *многоженство* начинают смотреть как на величайшую несправедливость, и японские дамы требуют себе права гражданского голоса на выборах.

В «Современных известиях» рассказана по этому поводу история одной женщины лет сорока, благородного происхождения, *Кузаноэ Кита*. Эта дама – вдова, стоящая одна во главе своего семейства; ввиду того, что с нее, как со всех, берут подати, и она захотела иметь право голоса на выборах, но ее не допустили. Она

подала прошение губернатору. Губернатор отвечал:

«Плата податей есть общее обязательство для всех подданных государства, и так как нет такого закона, который бы определял большие или меньшие права каждого индивидуума, поэтому отдаю вам приказ немедленно внести должные вами подати.

Что же касается до права быть свидетельницей, то закона, запрещающего это, у нас не существует».

Г-жа Кузанозе Кита, которой, по мнению «Современных известий», подобает занять место во всеобщей истории культуры как первой женщине, выступающей в Японии за права женщин, этим ответом не удовольствовалась и апеллировала в министерство внутренних дел.

Неизвестно, чем кончится дело, но московская газета, по-видимому, надеется на благоприятное для японских женщин разрешение этого вопроса.

В той же заметке говорится дальше о многоженстве в Японии, об юридических правах «наложниц», причисляемых по местным за-

конам к *родственницам второго разряда*, и т. д.

«Современные известия» приводят перевод статьи из одной японской газеты, в которой доказывается, что «многоженство есть величайшая несправедливость» и что его нужно совершенно вывести из японских нравов, оставляя только за микадо право иметь по несколько жен, ибо это полезно для сохранения династии.

По этому поводу мы заметим следующее. Если бы уничтожение многоженства в Японии, или где бы то ни было, было лишь *прямым следствием распространения христианства*, то мы бы этому порадовались. Мы полагаем, что многоженство должно быть отвергаемо лишь на основании христианского догмата, на основании *веры*. Ибо логика веры такова: «Мой разум недостаточен, даже и в случае гениальных способностей; а так как разум вообще недостаточен и противоречив донельзя, то я и не выпущу его из железных пределов веры. Христианская вера наилучшим образом решила *раз и навсегда* отношение человечества к Божеству, и потому я должен пови-

новаться заповедям своей веры». И больше ничего.

А на основаниях одного *разума* можно, *пожалуй*, и *полиандрию* проповедовать. Ее и проповедовали одно время социалисты, например, Фурье... Мы не думаем также, чтобы те азиатские люди, которые, как слышно, живут в Кашемирской долине и допускают законную полиандрию (по *восемь*, кажется, мужей на одну жену), были бы непременно глупее и слабее разумом, чем европейские «интеллигенты». Как это взвесить – кто глупее?.. Даже взвешивание мозгов не решает сомнения. Остается еще много вопросов, например, *об отношениях извилин* на поверхности мозга, об ячейках, о размерах остального организма и т. д. и т. д.

Но если мы устраним вмешательство положительной религии, то остается для подобного решения лишь одно средство – *художественное чувство*.

С точки же зрения эстетической мы, хотя и озираясь с некоторым страхом, сознаемся, что, к стыду нашему, нам султан турецкий нравится больше, чем «честный» европей-

ский безбожник или даже *деист, живущий почему-то невозмутимо* со своей рациональной женою не «во славу Божию», а во славу разума, почерпнутого из вчерашнего номера какой-нибудь умеренной газеты.

Мы и многоженца микадо очень уважали до тех пор, пока он не надел цилиндр... Какой же это прогресс, когда скоро никого уже нельзя будет на картине представить?

Ведь куда же деть нам и искусство? Прекрасное есть не что иное, как «одетая платьем» и «драпированная» истина.

А «прекрасное» нынче все потихоньку спускается в те скучные *катакомбы пластики*, которые зовутся музеями и выставками и в которых происходит что-нибудь одно: или снуют без толку толпы людей мало понимающих; или «изучают» что-нибудь специалисты и любители, т. е. люди, быть может, и понимающие изящное «со стороны», но в жизнь ничего в этом роде *сами* не вносящие... *Сами-то* они большею частью как-то плохи — эти серьезные люди!..

III

Наследство Хрущева

В «Молве» напечатана следующая корреспонденция из Харькова от 18 января, которую мы приводим здесь почти целиком: «17 января в Харьковской судебной палате производилось дело, возбуждившее в местном обществе самый живой интерес. Так называемый хрущевский процесс, несмотря на чисто гражданский его характер, привлек, однако, в зале заседаний многочисленную публику. Дело в том, что от решения судебной палаты зависело, кому быть собственником миллионного богатства: наследникам Хрущева или же духовному ведомству. Сущность этого замечательного процесса заключается в следующем: богатый землевладелец Харьковской губернии Хрущев задумал основать в своем великолепном имении, в Ахтырском уезде, мужской общежительный монастырь для 24 монахов. Для того чтобы мысль эта имела возможность выступить из широкой области неосуществимых мечтаний, необходимо бы-

ло преодолеть целый ряд препятствий. Прежде всего надо было дать монастырю имущество, без которого, по закону, немислимо устройство какого бы то ни было религиозного учреждения. Но все громадное имущество Хрущева было родовое и не могло миновать законных наследников ни по завещанию, ни по дарственной записи. Необходимо было поэтому совершить над имуществом весьма оригинальную метаморфозу: сделать из родового благоприобретенным. Хрущев достиг этой цели посредством продажи имения Рясного своему бывшему крепостному слуге, совершенному бедняку, который немедленно же продал все обратно Хрущеву. Затем необходимо было принять во внимание закон о монастырях, по которому с 1866 года воспрещается устройство монастырей, если при них, одновременно с их основанием, не будут устроены какие-нибудь благотворительные заведения. В виду этого, Хрущев представил в Харьковскую духовную консисторию проект следующего содержания: в случае Высочайшего соизволения на устройство монастыря, последнему будет уступлено по дарственной

записи имение Рясное и наличных денег 100 000 руб., на часть которых при монастыре должна быть устроена богадельня на 24 человека. Сам же собственник Хрущев выговорил себе лишь право надзора и пожизненного распоряжения в пожертвованном имении. *В высших сферах проект этот был встречен довольно неблагоприятно, так как Хрущеву было предложено через губернатора пожертвовать имение на какое-нибудь другое полезное учреждение.* Лишь после отказа проект вместе с дарственной записью получил законное движение. В сентябре 1867 года Святейший Правительствующий Синод испросил через обер-прокурора Высочайшее утверждение проекта устройства монастыря на изложенных в докладе основаниях, т. е. при условии уступки в дар монастырю имущества Хрущева. Однако, несмотря на весьма, по-видимому, искреннее желание Хрущева, устройство монастыря затормозилось. Дело в том, что Хрущев неизвестно по каким причинам вдруг резко изменил свой первоначальный план и, вместо дарственной записи, представил в Синод духовное завещание, на основании кото-

рого просил открыть немедленно монастырь, оставляя последнему имущество лишь после своей смерти. Св. Синод отказал Хрущеву в этой просьбе и в своем определении проводил ту мысль, что устройство монастыря совершенно невозможно без исполнения главного условия, послужившего основанием к Высочайшему утверждению, без дарственной записи. В таком положении дело находилось, когда после смерти Хрущева найдено было завещание, в котором сказано было, что «все имение Рясное переходит в собственность устраиваемого монастыря». Вот эта фраза и послужила основанием иска родственников умершего об уничтожении завещания. Поверенные наследников доказывали, что Высочайшее утверждение не было исполнено Хрущевым, который не уступил, как это было в проекте, монастырю имения по дарственной записи. Таким образом, в момент смерти завещателя монастырь не существовал ни *de jure*, ни *de facto* и потому не может быть признан полноправным юридическим лицом, имеющим право наследовать и обладать собственностью. Поверенные консистории воз-

ражали, что если даже стать на точку зрения истцов, то и в таком случае нет основания к уничтожению духовного завещания, ибо если монастырь не должен считаться существующим в силу Высочайшего соизволения, то он может возникнуть теперь в силу завещания. *Палата признала завещание действительным и все имущество перейдет в пользу монастыря, к великой радости адвоката, получающего, говорят, 15 000 р. гонорара*». Так кончила «Молва». Теперь – мы. Что ж? Мы понимаем радость адвоката: 15 000 руб. сер. годятся! Мы даже ласкаем себя надеждой, что образ мыслей этого, вероятно, очень даровитого юриста впредь примет именно тот более охранительный оттенок, который так отрадно встречать хоть изредка в современных нам деятелях. Остается какое-то приятное воспоминание о монастыре, какая-то сердечная связь...

Мы встречали даже докторов, которые хотя видимо так и дышали атомами и эфиром, когда дело касалось до философии мироздания, однако по отношению к философии жизни являлись консерваторами, оттого, напр.,

что лечили архиереев, игумнов, предводителей дворянства или губернаторов и т. д.

«Пути Господни неисповедимы» даже и по отношению к адвокатам и врачам... Как же не радоваться! Мы, не получившие ничего за эти дела, тоже искренно рады, что монастырь выиграл процесс. Но и при этом тревожат нас некоторые мысли, вопросы и сомнения. Например: «В харьковском обществе был возбужден этим процессом живейший интерес», говорит корреспонденция «Молвы»; но дело Веры Засулич тоже возбуждало интерес. Когда Веру оправдали, «интеллигенция» берегов Невы аплодировала и проливала слезы восторга...

Любопытно было бы знать, аплодировали ли в этом случае харьковская публика серьезному и правдивому решению харьковского суда?

Мы думаем, что нет... Монастырь – не реальное училище... Монахи – это ведь *крайняя правая*... В Пантелеймоновском Афонском монастыре, например, есть один мул. Его кормят и хранят, *но на него никто не смеет садиться только потому, что Царский Сын, Его*

Высочество Великий Князь Алексей Александрович *немного проехался на нем...* В монастырях одни вообще не философствуют, а другие думают, что все злое – *в нас самих*, в нашей природной греховности, а не в том или другом общественном устройстве; считают земную иерархию отражением небесной и т. д.

Какие же тут могут быть аплодисменты? Мы полагаем, что самый приверженный сын Церкви из присутствовавших на этом, в самом деле замечательном процессе вышел из залы очень скромно и перекрестился где-нибудь за углом, озираясь.

И еще раздирающий вопрос... что это значит:

«В высших сферах проект этот был встречен довольно неблагосклонно; Хрущеву было предложено пожертвовать имение на какое-нибудь другое полезное учреждение»...

Так пишет корреспондент «Молвы»... Что такое эти высшие сферы?..

Уж не обмолвился ли корреспондент?.. Полезное учреждение?

В государстве православном что же может

быть полезнее духовно-православного учреждения?

Каковы бы ни были монахи сами (мы знаем, что в наше время и они очень *ослабели*), но учение их уже потому правильно, что в нем больше практической *реальности*, чем в учениях *уравнительного оптимизма*... Монахи *пессимисты* для земли... И это уж одно превосходно, потому что учит покорности и терпению. Монахи более, чем кто-либо, реалисты в хорошем смысле этого слова, – они не мчатся за *розовым облаком* рая земного... Они если не все умом понимают, то сердцем чувствуют, что *вблизи* это розовое облако окажется всегда лишь серым, сырым и нездоровым туманом.

IV

Полезно ли самоуправство на улице?

На днях по Вержбовой улице проходила исторбьясь нищя старушка. Она хотела перешагнуть через грязь, как вдруг какой-то молодой парень простого звания, смеясь, подшиб ее ногою, и старушка упала в воду. Увидавши эту сцену, один из тех варшавских коммиссионеров, которые носят красные фуражки, подскочил к молодому негодяю, схватил его и побил тут же весьма основательно. Публика (в том числе и мы, грешные) остались очень довольны этой карой, столь быстро последовавшей за подлым поступком. *Теперь – философия.* Во-первых, философия утилитарная.

До Бога высоко, до мирового судьи далеко; городской тоже не всегда может вырасти из земли, а великодушный человек в красной фуражке был близко.

Значит – «легальность и в наше время не может еще вполне уничтожить живую прав-

ду не только на всем земном шаре, но даже и в Варшаве».

Во-вторых, *философия художественно-историческая*. Грязи на улице, положим, нет; пауперизма и тем более; малый ноги не подставлял, комиссионер его не бил. Публика не смеялась и не радовалась. В «Варшавском дневнике» не был бы весь этот случай описан... Что ж бы было? «Нирвана» какая-то. Абсолют! Германские мыслители говорили: *достижение абсолюта есть прекращение истории*. Что значит *абсолют*? Уж не то ли это царство правды и *сплошной* любви, которую нам предлагают некоторые органы, и русские, и западной печати?..

Нет, бедная старушка, падай лучше в грязь! Нет, молодой негодяй, бери на себя, так и быть, неблаговидную роль порока!.. И ты, добрый комиссионер, бей его крепче!.. Мы предпочитаем сложность и драму *истории* бессмыслию земного абсолюта...

Maxima miranda in minimis!

Мы «Страну» сглазили!

Только что мы позволили себе в передовых статьях наших искренно похвалить некоторые свойства этой новой и очень умной в своем роде газеты, как вдруг в ней появилась следующая выходка:

«Страна», сообщая своим читателям известие о новом предприятии г. Каткова, т. е. об учреждении телеграфного агентства, выражает при этом следующее желание:

«Желаем г. Каткову, чтобы первая переданная его агентством телеграмма из Москвы в Петербург известила об уплате полностью недоимки в свыше 100 000 рублей по аренде «Московских ведомостей» у университета. Недоимка эта не может тяготить издателя «Московских ведомостей» материально, так как она не взыскивается. Но для газеты, давно избравшей себе специальностью укорять всех и каждого в недостатке патриотизма, не должно быть приятно сознание, что в то время, как она усиленно призвала весь народ к

пожертвованиям во время войны, приглашая общество жертвовать даже ломаные серебряные ложки (sic), она сама копила в ущерб казне стотысячную «недоимку». Прежде всего вот что: когда мы решаемся печатать подобные вовсе ненужные вещи, так надо по крайней мере узнать основательно дело. Мы, например, *слышали* обо всем этом совсем иначе. До появления «Правительственного вестника» в «Московских ведомостях» печатались прежде (по условию, вероятно) все казенные объявления. Когда учредили «Правительственный вестник», то все ли эти объявления или значительная их часть (не знаем) отошли из московской газеты туда. Говорят, что г. Катков вычел весь убыток, причиненный ему за несколько лет этой переменой, из арендной платы – и больше ничего. Выходит, что все это дело есть не что иное, как юридическая претензия частного лица на какое-нибудь казенное ведомство. Что же тут особенного?.. Если это нечто вроде тяжбы противу казны, то это может иногда случиться со всяким хорошим человеком. Это действие *среднее*, так сказать, и ни порицания, ни особой

похвалы не заслуживающее. Никому дела до этого нет. Если же нам все это неверно передали, или г. Катков просто должен казне и с него не спешат взыскать, или он сам, например, не спешит уплатить эту огромную сумму, то и в таком случае мы не видим, с какой стати нападать за это на него! Г. Катков так полезен государству, он так много заслужил от отчизны, что ему можно бы и вовсе не платить этих денег... Скидывают иногда и более крупные недоимки людям, имеющим меньшие заслуги...

Его деньги дороги не ему одному, они должны быть дороги и всем людям, желающим России добра...

Деньги ему нужны, чтобы поддерживать без утомления ту борьбу, которую он так давно уже ведет противу вредного невского вздора.

Чего стоит одно противодействие его *тонкому яду*, отпускаемому так аккуратно и осторожно хотя бы только одним «Вестником Европы»...

Это стоит, право, дороже 100 000 рублей!..

VI

Ужасная взятка и возвышенная честность

16 февраля[1] по Краковскому предместью, днем, шел быстро очень молодой человек, одетый по-русски. Молодая девушка, догоняя его, говорит ему чистым русским языком: «Молодой человек! Позвольте мне с вами *поравняться*». «Равняйтесь и даже обогните меня, если вам угодно», – сухо отвечает недовольный этой наглостью юноша. Подходит городской: «Что ты ей сказал?» Юноша рассказывает. Девушка: «Неправда, неправда! Он первый *звал меня*». Спор. Городской ведет их обоих в часть. Это было близко от конторы Нилькена, и молодой человек шел туда по спешному делу. Он просит, чтобы его не задерживали, и уверяет, что она заговорила с ним первая, а не он. Подошли к какому-то крыльцу. Девушка, чувствуя себя все-таки неправую, кается и просится домой.

– Я тебе на чай дам, – говорит она.

Городской отпускает и юношу, и девицу.

Заметка эта вовсе не вопль и не плач так называемой обличительной гласности, а так себе, анекдот. В наше время и взятке иной будешь больше рад, чем другой «честности».

Эта маленькая бесчестность (которую мы, однако, не хвалим все-таки) бедного городского пар contresour какому-то внезапному напомнила нам одну великую честность. Один наш знакомый, с год тому назад, говоря с беспокойством умеренного европейца о нигилистах, рассказывал нам: «Опасно то, что многие из них честны»... И рассказывал следующую историю. Жил несколько лет тому назад в Петербурге один молодой революционер. Жил на 10 рублей каких-нибудь в месяц; питался ужасно, спал Бог знает где и как и писал большой mémoгandum о неправдах властей и о том, что надо сделать. Кончил и представил его прямо начальству. Записка была более чем нецензурна, конечно; она была безумна. Его стали судить. Он все называл по имени и над всем ставил точки.

Судьи, тронутые его благородством, уговаривали его privately не признаваться, напр., на суде, что он в Бога не верит и т. д.,

что это несколько облегчит его участь. К счастью, он их не послушался и был наказан строже, чем они желали. «Si non e vero, e bene trovato». Давно ли в Европе смеялись, говоря: эти «испанские дела!» (т. е. ничего не поймешь). Не пора ли говорить «русские дела».

Быстро, быстро наше поступательное движение!..

Надо верить одной газете, которая в одном своем дифирамбе высшим властям все-таки упорно уповает, что дети, вероятно, наши увидят... какие-то дни лучшие или ясные (не помним). О, эти дни!.. О, это будущее!.. Лаврецкий обещал то же самое лет 20 тому назад молодому поколению; то молодое поколение состарилось или по крайней мере созрело... и ничего лучшего не видим пока, а все худшее... Почему же дальше будет непременно лучше? Кто это сказал? Лаврецкий был, в самом деле, честный человек: он верил, но ошибся. Тогда было простительно верить в какой-то привлекательный прогресс. А «Голос» тоже верит и ошибается... или он верит, но иначе как-то... Нам что-то смутно припоминается один знаменитый номер какой-то газеты после

attentat Засулич... Тут и слезы, и гадкая (стилистически даже ужасная) речь Александра, и пламенный фельетон какого-то Г... – не помню!.. И тонкая заметка, «что многое считаемое преступным в одну эпоху становится легальным в другую». Что-то о *возвращенных* декабристах, «которые участвовали вместе со всеми нами в легальном освобождении крестьян» и т. д.

Жаль, что в Варшаве трудно достать старые наши газеты. Хотелось бы отыскать, *где именно* мы это читали...

Нет, наш бедный городской, подобно Веспасиану не брезгающий известным налогом... право, лучше иных наших публицистов и судей... Мы не говорим обо *всех*, а только об *иных*, об *иных*...

VII

Революционеры и прогрессисты

В «Современных известиях» мы нашли выписку из Карлейля, вполне приложимую к нашему времени. Вот она.

«Когда в эти времена упадка, где никакой идеал не возрастает и не процветает, когда верование и верность исчезли и от них остается только жаргон и ложный отзвук, когда всякое торжество обращено во внешний парад, когда *всякая вера в авторитет* сделалась одним из двух: или глупостью, или лицемерием, – увы, от таких времен история должна отвращать свои взоры! На них не стоит останавливаться. Их нужно сокращать все больше и больше и наконец вычеркнуть из летописей человечества, вытереть, как незаконные, что они и суть на самом деле. Времена без надежды, когда, более, чем в другое время, родиться – есть несчастье. Родиться для того только, чтобы по всякому преданию и по всякому примеру узнавать, что Божий свет есть

ложь, мир Белиала, и что высшее шарлатанство есть верховный иерарх человечества!»

Как хорошо! Это точно наше нынешнее русское образованное общество!

«Современные известия» говорят, что в такие-то времена рождаются *«революционеры»*. В этой же заметке хвалят *прогрессистов*, утверждая, что прогрессист и революционер – братья только кажущиеся. Они дети разных родителей.

«Прогрессист, – говорит газета, – рождается в стране, спокойно совершающей свое историческое развитие, и порождается временем, когда равновесие поступательных и охранительных сил в обществе достигло возможной полноты. *Он смело идет навстречу будущего с определенным багажом из прошедшего и настоящего; он представляет поступательное движение своей родины в его исторической полноте. Он признает и чувствует живую связь свою со своими отцами, дедами и прадедами, считает себя их наследником и продолжателем, не стыдится этой кровной связи. Но это потому, что отцы, деды и прадеды делали свое дело, доходили до известного «пре-*

дела», от которого и отправлялись их преемники. Прогрессист есть дитя исторически развивающейся страны, порождение непрерывно видоизменяющегося общественного порядка. Революционер – порождение иных обществ и времен. Предположите общество, почему-либо застывшее в своих формах, сделавшихся мало-помалу обременительными, утратившее нравственную власть над умами миллионов людей, которые не черпают уже в них сил для исполнения своего долга, относятся к ним скептически и равнодушно и переносят их по необходимости» и т. д...

Так как *равновесие* поступательных и *охранительных сил* нарушено давно в современном русском обществе исключительно в пользу одних поступательных (это можно почти математически доказать), то, значит, у нас и трудно быть прогрессистом (*хорошим*, т. е. органическим по смыслу заметки), а всякий прогрессист у нас становится, сам того не замечая, мирным революционером, т. е. *мирно разрыхляет почву* для немирных или непримиримых. Так по крайней мере преломляет наша варшавская призма этот луч мос-

КОВСКОЙ МЫСЛИ.

VIII

Свобода проповеди

В «С.-Петербургских ведомостях» читаем мы следующее:

«С легкой руки лорда Редстока в Петербурге в последнее время учреждены публичные проповеди или чтения религиозного содержания, имеющие место в некоторых частных домах. Таков, например, дом Пашкова, на Гагаринской набережной, где по воскресеньям, от 3 до 9 часов, сам г. Пашков предлагает собирающейся у него публике чтения Евангелий с объяснениями. Последнее чтение в этом доме было 3 февраля. Посторонняя публика свободно допускается на чтения г. Пашкова, их слушают и аристократические барыни, и просто-народье. После чтений г. Пашков бесплатно раздает желающим простолюдинам Евангелия и другие брошюры религиозного содержания, что по преимуществу привлекает народ на чтения г. Пашкова. Факт существования в Петербурге публичных религиозных чтений бесспорен, но он невольно вызывает

на некоторые размышления. Мы первые приветствовали бы такое нововведение, если бы у нас с чисто американскою гражданскою свободою дозволено было каждому филантропу открывать свой дом для подобных религиозных чтений, которые, в интересах просвещения массы народа, могут иметь, конечно, бесспорно положительное значение. Какого-либо вреда от подобных чтений не может и быть, если даже и допустить, что могут явиться проповедники совершенно некомпетентные. Но вот в чем вопрос. Существует ли у нас свобода в устройстве публичных религиозных чтений? Имеет ли, например, такую свободу наше духовенство, которое, по существу своих обязанностей, должно всемерно пе- щись о религиозном научении народа? Мы скажем: нет и нет. В Петербурге состоит свыше 200 образованных священников, которые могли бы отлично организовать дело религиозных чтений для народа. Между тем роль священника ограничена у нас одним церковным служением, причем проповедь не составляет *обязательного* дополнения церковной службы. Затем, вне богослужения, свя-

щенник уже окончательно теряет роль учителя, если не упоминать о школьном преподавании священниками Закона Божия в учебных заведениях. У нас священник, как учитель народа, не действует с полной свободой, он и в своей церкви является проповедником лишь под условием контроля над его действиями со стороны властей, каковы, например, настоятель церкви, благочинный, консистория, епархиальный архиерей. Вне своей церкви, при каком-либо торжественном служении, священник может сказать проповедь не иначе, как проведя ее через сложную процедуру цензуры. Так, например, все проповеди, даже лучших образцовых проповедников Петербурга, какие недавно изданы кафедрой Исаакиевского собора, предварительно произнесения их в церкви пропущены сквозь горнило предварительной епархиальной цензуры. Пойдем далее. Если бы какой-либо священник вздумал устроить религиозные чтения для народа в своей же церкви, но в часы, когда нет богослужения в ней, для этого он предварительно должен испросить себе особое разрешение епархиальной власти. Если и

дается такое разрешение, то над проповедником обыкновенно учреждается специальный контроль в этом отношении. Наконец, если бы священник вздумал устроить подобные чтения не в церкви, а вне оной, то в этом случае испрашивается особое разрешение не только от духовного, но и от гражданского начальства. Когда кто-либо учреждает публичные чтения, даже и религиозные, от него подлежащими властями требуется представление на предварительную цензуру подробной программы таких чтений.

Спрашивается теперь: почему г. Пашков свободно предлагает народу публичные религиозные чтения, между тем как священники, специалисты этого дела, не уполномочены существующим порядком на такую же свободу? Ужели г. Пашков, отставной полковник гвардии, может быть признаваем более компетентным проповедником религии, чем священники, получившие специально богословское образование? Все это вопросы и вопросы. Мы не против свободы, какую пользуется г. Пашков, но желали бы видеть ее распространенною на священников прежде всего.

Обращаясь собственно к содержанию Пашковских чтений, мы должны сказать, на основании наших сведений о них, что подобные чтения суть часто школьные упражнения с Евангелием. Любой семинарист даст более обстоятельное и дельное объяснение Евангелий, чем то, какое дает г. Пашков. Мистическое направление в его объяснениях, в духе учения Редстока, выдается, по-видимому, за новизну. Между тем наши священники могли бы в той же зале г. Пашкова, где он ведет свои чтения, дать ему самому и его публике отличные лекции с изложением учений всех мистических сект протестантства, каковы, например, секты анабаптистов, пиетистов, квакеров, гернгутеров и т. п. Проштудирование подобных сект отняло бы у проповедей г. Пашкова всякое обаяние, потому что религиозный мистицизм (?) давно уже устарел в ряду других более современных богословских систем. Во всяком случае мы желали бы, чтобы наша пресса обратила серьезное внимание на появление в домах Петербурга стремления к религиозной проповеди. Явление это весьма характеристично и заслуживает спе-

циального изучения».

К сожалению, мы не можем согласиться во всем с уважаемую газетою.

Мы согласны, что священники могут сделать больше пользы подобными чтениями и толкованиями, чем Редсток и г. Пашков, но не столько при *личной* неограниченной свободе *каждого проповедника*, сколько при наибольшей независимости *всей Церкви в ее совокупности*. Мы думаем, что благие последствия были бы неисчислимы, если бы в этом вопросе свобода высшая, то есть *всей великой корпорации, именуемой духовенством*, была предпочтена индивидуальной независимости. *Та общая независимость* иерархии и Церкви, о которой так много думали настоящие славянофилы, укрепила бы везде ослабшее единство Православия, а *личное своеволие* в проповеди могло бы только умножить наши секты и расколы... К расколу крестьянскому прибавился бы раскол интеллигентный, столичный.

Свобода проповеди досталась бы на долю духовенства белого; а иеромонахам и вообще монахам, заключенным в стенах отдаленных

обитателей, было бы трудно противодействовать в этом случае духовенству женатому и светскому, к несчастью, и без того весьма расположенному у нас – я не смею сказать к протестантству (это было бы слишком), а проще и скромнее к *протесту*, т. е. именно к тому, что при неосторожности и к протестантству ведет.

В предыдущей заметке нашей мы сказали, что обстоятельства наши сложились теперь так, что равновесия вовсе нет между охранительными началами и поступательными. Поступательные всё свободнее и свободнее, а охранительные всё *по-прежнему связаны*... И поправлять дело даже советуют не так, как надо, – не *справа*, а всё *слева же*. Дайте всей Церкви независимость и будьте покойны, – тогда она в совокупности своей станет несокрушима.

IX

Общество болгарских естествоиспытателей

Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» сообщает из «Целокупной Болгарии» следующие известия о первом учреждаемом болгарском Обществе естествоиспытателей. «Мысль об ученом обществе в Софии, как о средстве общения между людьми, получившими естественно-научное образование, давно возникла в среде софийских врачей и натуралистов, но только теперь приведена к осуществлению. Последние два месяца софийские врачи и натуралисты много раз собирались для обсуждения этого вопроса и выработали устав Общества, целью которого указывается поддержание, посредством постоянного общения, научного интереса между членами Общества и обсуждение медицинских и естественно-научных вопросов, преимущественно таких, которые имеют общественный интерес. Общественная и частная гигиена и диететика, санитарная часть, метеороло-

гия – как сами по себе, так и по отношению к народному здравью – вот предметы, которыми намерено заниматься Общество. Оно будет печатать сообщения о своих заседаниях, протоколы, публичные речи и пр.; в заседания доступ свободный для всех желающих. Общество состоит: 1) из членов-учредителей; 2) из действительных членов со взносом по 100 франков в год (действительными членами могут быть избраны врачи и натуралисты, которые представят в Общество два научных сообщения устно или письменно); 3) из членов-корреспондентов, живущих вне Софии; 4) из членов-соревнователей, которые платят в Общество 50 фр. в год и получают право бесплатно пользоваться библиотекой и лечебницей, которые будут открыты при Обществе, если окажется достаточно средств; наконец 5) в почетные члены Общество будет избирать тех ученых, которые своими учеными трудами оказали большие услуги болгарскому народу. Предполагается также издавать при Обществе «Медицинский вестник». Пожелаем первому ученому болгарскому Обществу всякого успеха, а главное – денежных средств,

без которых трудно что-нибудь сделать».

Все это прекрасно; но самый главный *общественный* интерес для «Целокупной» Болгарии должна бы представлять *история*, рассматриваемая не с точки зрения господствующих партий, а *именно* как *естественная*, реальная наука. Поучения такой истории доказали бы им, что нация их сразу вышла на самый гибельный путь – на путь *конституционной демократии* – и что лучше бы им еще 20 лет пробыть под турком и под *игом* так называемых фанариотов, чем начать сразу страдать *собачьей старостью эгалитарного прогресса*... Хоть бы Россию пожалели немного!

Х

Небывалое торжество

В «Церковном вестнике» мы нашли описание *небывалого торжества* в одном селе Новгородской губернии. Вот оно: «*Небывалое торжество в захолустье*. В селе Вашках (Новгородской губернии, Кирилловского уезда) 19 февраля, этот великий и знаменательный для всей России день, праздновался с небывалым доселе торжеством. Накануне его среди площади была устроена из зелени роскошная арка, в середине которой находилось *изображение Святого Духа, в виде голубя*; кроме этого вся площадь была убрана зеленью и флагами. В самый день торжества после божественной литургии совершен крестный ход на площадь, где местным священником И. Разумовским в сослужении двух соседних священников отслужен благодарственный молебен при многочисленном стечении народа, пришедшего сюда из окрестных местностей не по зову, а по собственному влечению. Сюда же прибыл мировой судья, многоуважаемый Д.

Н. С., служащий в районе бессменно со дня учреждения мирового института, а также некоторые представители министерства народного просвещения. После молебна ученики вашкинского одноклассного училища, под руководством местного священника, превосходно пропели «Боже, Царя храни» и «Славься, славься, наш Русский Царь». Многочисленная публика слушала это стройное пение детей с благоговением и с открытыми головами, а когда мальчики в четвертый раз пропели «ура», – голоса всех стоящих на площади слились с детскими голосами, и громкое, несмолкаемое «ура» далеко разнеслось по всей окрестности. Вечером все село было иллюминировано.

В этот же день составлен был всеподданнейший адрес Государю Императору. В память совершившегося двадцатипятилетия царствования Государя Императора сельчане постановили приобрести образ Св. Александра Невского и ежегодно великий день 19 февраля сопровождать особым торжеством».

Иван Арсеньев.

Это действительно прекрасно, и нам особенно нравится оригинальная, православная мысль *украсить арку изображением Св. Духа*. Сочетание слов «оригинальная» и «православная» вырвалось у нас нечаянно, инстинктивно. Но потом, задумавшись над этим как бы *larsus calamit*, мы сказали себе с горестью: «Да, мы, сами того не замечая, ужасно скоро дожили до того, что серьезное Православие в России становится в самом деле явлением очень оригинальным. Его просто не знают и не понимают у нас даже и большинство тех, которые ходят в церковь».

Иконоборческие проповеди гг. Пашковых могут стать убийственными, заметим кстати, даже и для искусства, – не найдут нужным *изображать* и Св. Духа...

Сообщение г. Арсеньева доставило нам истинное удовольствие. Нас огорчило только это гадкое слово «захолустье». Неужели у нас не могут догадаться до сих пор, что грубость и литературная избитость подобных выражений – вовсе *не народны*. Нам очень досадно и на г. Арсеньева, что он этим заглавием испортил нам впечатление своей милой заметки.

Точно клоп травяной сел на свежую и душистую ягоду.

ХІ

Одинокое заключение

В «Молве» мы читаем следующее: «Г. Мержеевский, профессор душевных болезней при Медико-хирургической академии, коснулся недавно в своих лекциях вопроса о влиянии одиночного заключения на развитие душевных болезней. Почтенный профессор, как передает «Русская правда», горячо восставал против рациональности подобной системы заключения, находя ее одним из самых верных и скорых способов довести человека до сумасшествия. Система одиночного заключения практикуется, как известно, во многих государствах и дает везде, даже в самых образцовых тюрьмах, до 6 % умопомешательств. Помимо трудно устранимых дурных гигиенических условий, уже самая обстановка жизни в казематах разрушительно действует на мозг. Абсолютное лишение общества себе подобных многими положительно не переносится, особенно одиночное заключение людьми со слабою волею, людьми, привык-

шими к постоянной кипучей деятельности, и, наконец, людьми, мучимыми угрызениями совести. Душевное расстройство начинается обыкновенно появлением галлюцинаций. Глухая тишина камеры и невозможность пользоваться способностью речи вызывает в большинстве случаев галлюцинации слуха. Заключенным слышатся, особенно по ночам, постоянные шорохи, стоны, плач, и эти ложные представления иногда достигают такой реальности, что самые интеллигентные заключенные принуждены бывают вставать с койки и осматривать свое помещение. Эти галлюцинации часто служат переходною ступенью к более тяжким душевным расстройствам и ведут к глубокой меланхолии и паралическому слабоумию, убивающему вконец все духовные силы заключенного. Почтенный профессор приглашал слушателей бороться в своей будущей деятельности против установившегося рутинного взгляда на пригодность широкого применения одиночных заключений, как системы наказания, отнимающей у заключенного не только одну свободу, но часто и все высшие человеческие

способности».

Но что же прикажете делать с преступниками? Казнить – не надо, заключение одиночное губительно, – что ж делать с ними? Многие уже не раз указывали на то, что о преступниках общества нынешние больше заботятся, чем о людях мучительно-бедных, но предпочитающих страдания свои преступной жизни. *Вот если бы общества человеческие и люди науки придумали поскорей такое устройство, при котором труд, хотя бы и несколько принудительный, был умереннее и обеспеченнее, а свобода подвижного капитала ограниченнее (как она и была прежде, при словесном строе всех обществ), то у разрушителей вырвано было бы из рук самое сильное их орудие в ближайшем будущем. А о преступниках можно бы позаботиться и позднее.*

XII

Дама курит в церкви

По словам «Московских ведомостей», «Оренбургский листок» сообщает о следующем скандале, случившемся в Уфе: «В церкви Св. Спаса, на Казанской улице, 22 февраля происходило венчание. В числе приглашенных была одна дама из интеллигентного слоя общества и к тому же *супруга педагога*. Этой бойкой барыне вдруг вздумалось закурить папиросу в церкви, и она закурила. Скандал произошел немалый. Вмешалась, конечно, полиция, составила акт и передала по принадлежности».

Вперед! Вперед! Вы, присяжные, и вы, мировые, оправдайте поскорее, оправдайте, пожалуйста, эту... даму... даму... чтобы не сказать хуже...

XIII

Пророчество одного келецкого сапожника

«Один из почтенных келецких «фабрикантов обуви», основываясь, как он утверждает, на глубоком знании Библии и Талмуда, которого, впрочем, он не читал, но достаточно знаком с ним, по его собственным словам, из частых бесед с некоторою еврейкой (sic), – этот-то почтенный мыслитель предсказывает близость страшной и всеобщей войны!.. Она должна вспыхнуть, по его словам, в самом непродолжительном времени, именно лет через шесть, когда Пасха будет праздноваться в день Св. Марка... Почтенный мыслитель не ограничивается простым предсказанием войны, основываясь на совпадении праздника Пасхи со днем Св. Марка; он определяет и ближайшие причины неминуемой войны. «Жить на свете тяжело, – говорит он. – Дела так не могут идти дальше, и нужно ждать перемены. Прежде я платил пять рублей податей и много пил водки, а теперь пла-

чу двадцать рублей податей и... (??) Словом, жить тяжело. Главная причина – людей на свете расплодилось очень много. Настанет война, земля очистится, сделается просторнее, и хлеба будет больше».

Приводя это пророчество, «Gazeta Kielezka» утверждает, что «почтенный келецкий мыслитель не вполне искретен. Сапоги он и прежде шил плохо, а теперь стал шить их еще хуже – вот главная причина, по которой ему плохо живется на свете... В оптимистическом воззрении своем на результаты пророчествуемой им войны он – увы! – тоже будто крепко ошибается: обилие и доступность влаги, обуславливающей более примирительный взгляд его на жизнь, вовсе не создается войною...».

Мы что-то не очень сочувствуем глумлению келецкого газетчика над келецким пророком-мыслителем... Мы так рады всякой, даже и неправильной, но самобытной мысли, среди того всеобщего прогрессивного идиотизма, который с таким успехом сеется всюду современными деятелями пера и изустного слова! Дж. Стюарт Милль еще прежде нас ска-

зал, что нынче перед *эксцентричностью* надо преклоняться, – до того все люди, все умы становятся пошлыми и схожими.

Не знаем, прав ли келецкий «пророк-сапожник» относительно *срока*; но относительно неизбежности великой и действительно всеобщей уже на этот раз войны – он, конечно, прав... Этой войны не избежать никому, и XIX век, *перед концом своим, подведет свои политические итоги...*

Милый пророк сапожник!.. Не бойся!.. Ты ведь гораздо интереснее того, кто с улыбкой подтрунивает над тобой.

Насчет того, что *людей развелось очень много*, и в этом ты, кажется мне, прав...

Особенно развелось везде много «интеллигентов» средней руки.

Это ужасно!.. Ну что, если все милые и умные оригиналы, вроде келецкого пророка, переведутся и не будет, благодаря «цивилизации», никакой разницы во взглядах на жизнь между сапожником будущего и либеральным публицистом будущего? *Эстетической* разницы, положим, и теперь между ними очень мало... Но есть еще нечто... брезжится еще что-

то *живое*, отстаивающее себя от *общего*, *противного стиля!*.. А когда и этого не будет, то что произойдет? И подумать жутко!

XIV

Прозрачная щука

В «Московских ведомостях» мы читаем следующее известие:

«Освещение электричеством внутренних полостей тела. В последнем заседании Германского электротехнического союза, происходившем 23 марта в Берлине под председательством главноуправляющего почтовым ведомством докт. Стефана, были произведены любопытные опыты с новыми электрическими приборами. В полости тела животных вводились платиновые спирали, прикрепленные к рефлекторам, и внутренности освещались электрическим светом гораздо ярче, нежели это удавалось сделать до настоящего времени. Так, в желудок живой щуки была введена посредством зонда платиновая проволока, помещенная в стеклянном резервуаре. Едва успел электрический ток пробежать по этой проволоке, как щука сделалась *совершенно прозрачною*, так что простым глазом можно было видеть действие всех внутренних орга-

нов. В продолжение опыта щука держалась совершенно смирно, а когда проволока была вынута обратно из желудка, щука принялась опять плавать как ни в чем не бывало».

Это очень любопытно! В первую минуту нельзя не восхититься при мысли о том, что не только щучьи, но и наши собственные внутренности могут когда-нибудь до того озариться электричеством, что и мы сделаемся совершенно прозрачными. Радость наша простирается в этом случае до того, что мы мечтаем даже о каком-нибудь блестящем излечении от какой бы то ни было опасной и темной внутренней болезни.

«Кто хорошо распознает – хорошо лечит!» Старинное изречение! Но скептицизм шепчет нам иное; он говорит: «Но, может быть, это излечение ваше вовсе не нужно?» Мальтус, Дж. Стюарт Милль, отчасти келецкий пророк-сапожник и другие мыслители правы: народу развелось слишком много. Тесно, дорого... К тому же мы-то, собственно мы – консерваторы; а разве консерваторам, настоящим, понимающим, *что такое консерватизм*, – в России *нынешней* можно долго жить

и действовать?.. Вот если бы придумать какой-нибудь прибор для освещения многих душ умеренно-либеральных, – ну, тогда... полиции и политическим судам прибавилось бы дела... А теперь что!.. Так отвечает нам скептический разум, и наш восторг при виде прозрачной щуки хладеет!

XV

Человек в бараньей шкуре

Мы нашли в «Московских ведомостях» следующую историю:

«Пермские губернские ведомости» приводят следующее решение одного волостного суда в Пермской губернии: крестьянин Н-в принес волостному суду жалобу, что потерявшегося у него барана, стоящего два рубля, он нашел уже заколотым в амбаре у крестьянина Ю-ва, которого и подозревает, что тот заколол барана, и просит поступить с ним по закону. Ответчик на суде объяснил, что баран забежал к нему в ограду с его овцами, почему он заколол его на пищу. Волостной суд, имея в виду собственное сознание виновного, постановил «крестьянина Ю-ва за означенный поступок наказать розгами 20-ю ударами, затем надеть на него шкуру заколотого барана, провести по улицам села с барабаном, подводя его к окну каждого жителя, и перед каждым домом давать ему по одному удару». *Решением истец и ответчик остались довольны.*

Вот прекрасный случай нашим газетам возопить: «отсталость, варварство, «безобразия!», «школы», «мрак!», «просвещение!» и т. д. А по-нашему это – *ничего*, что человека поводили в бараньей шкуре Нашему эстетическому чувству до того надоела *безличность* нашего *европеизированного* общества (стоящего при этом вовсе невпопад за какое-то *развитие личности?*), что мы ужасно рады всему живому и не похожему на *все другое*, как похоже в Петербурге! В этой выдумке есть хоть маленькое творчество национальной мысли, а у *всех либеральных ученых наших*, вместе взятых, вовсе его не видно. Многие из них не понимают даже разницы между *юридической свободой лица и живым развитием личности*, которая возможна *даже и при рабстве*, – и не только в рабовладельце, но и в самом рабе. Развитие есть *полнота, содержательность или интенсивность и своеобразие*. Наши «образованные люди» не знали даже до сих пор, что «либерализм» *везде в Европе повредил национальности*; ибо *государственная независимость и племенное объединение погубили* *везде умственную и бытовую независимость*

и способствовали скорейшему претворению наций, областей, городов, умов, обычаев, мод, построек в один и тот же *европейский* или даже *космополитический тип*. Что же тут общего между *свободой лица и развитием личности* в народе и отдельных людях, – между *объединением Германии*, например, и ее *культурно-национальным своеобразием?*.. Разве то, что первое убило второе?

Нет, пермский мужик в бараньей шкуре, довольный тем, что его еще и побили, гораздо лучше, глубокомысленнее, национальнее русских цивилизаторов! Этим бы под стать только какой-нибудь изнуренный *уврие*, с козлиной бородкой и злыми от зависти глазами, который кричит: «*Monsieur! Tous les hommes sont égaux!..*»

XVI

Волки в овечьих шкурах

Русский добрый человек в бараньей шкуре – это ничего; а вот «волки в овечьей» – это худо!..

В газете «Восток» есть нечто об этих *радикальных европейцах в славянской шкуре*.

«Константинопольские газеты в образовании в Болгарии нового министерства из радикальной или, как они называют, «красной» партии не предвидят ничего хорошего как для Болгарии, так и для спокойствия Балканского полуострова. По их словам, нынешние полоумные болгарские министры, как Цанков и Каравелов, будут следовать следующей программе: 1) посредством печати вводить в обман общественное мнение Европы относительно положения дел в Македонии и Фракии; 2) будут жаловаться на притеснения со стороны турок и обвинять в этом же все прочие христианские народности полуострова, как греков, сербов и румын; 3) будут печатать жалобы от мнимых болгар – преимущественно

но из тех местностей, в которых их нет; 4) примут всевозможные меры к притеснению неболгарских народностей в Болгарии и Восточной Румелии и будут стараться вызвать между ними возмущение; 5) будут агитировать в России, посредством печати, в пользу необходимого соединения Восточной Румелии с Болгарией и проч. Главная же цель, преследуемая вожаками великоболгарской партии, та, что столицей ее должен быть Константинополь. Говоря это, газеты справедливо замечают, что подобные мечты только и могли народиться в головах тупоумных болгар».

Все это *отчасти*, может быть, и так; но мы не согласны с цареградскими газетами ни в том, что Каравелов и Цанков *полоумны*, ни в том, что болгары вообще тупоумны.

Они, положим, не *остроумны*; но зато они *хитроумны*, как древний Улисс.

Они знают, *чего хотят и добиваются*... Они очень ловки и лукавы!

Они *хотели* во что бы то ни стало *схизмы* – и добились ее; они *хотели* независимости – и русской кровью приобрели ее; они *желали*

поссорить и нас с Вселенской Патриархией, которая так долго и во многих случаях предпочитала монархическую Россию афинской демагогии, – они желали нас поссорить – и разномыслие едва-едва не дошло до разрыва!.. Болгарская «интеллигенция» была всегда *не настоящего* славянофильского духа; она его *не постигла* *вовсе*; она и *под турком* жила западными идеалами. Она мечтала о *конституции* – и получила ее. Теперь, если верить грекам, болгарская интеллигенция ждет от нас чуть-чуть не Царьграда в дар любви! Конечно, греки, вероятно, клеветают, упоминая о подобных болгарских претензиях *даже и на Царьград*... Это уж слишком!.. Но все-таки, даже и отвергая подобное преувеличение, нельзя не сказать и здесь еще раз, что болгарская «интеллигенция» *очень вредна и очень опасна* и для России, и для своего собственного народа. Но она не *полоумна и не опрометчива*... О, нет! Она очень расчетлива и очень смела. Болгары – народ ничем до сих пор особенным, конечно, не замечательный, если прилагать к ним мерилу национальной самобытности в идеях, вкусах и бытовых формах, мерилу

культурной обособленной выразительности; их «интеллигенция» – самая обыкновенная, западная, либеральная в этом смысле. Но болгары – в отношении *исторических судеб своих* – народ *роковой* и опасный.

«Во дни оны» они были главным поводом к разделению Церквей Восточной и Западной. И теперь они как искусны, так тверды и так решительны в политических «оборотах» своих, что заставляют и самое Россию вот уже около двадцати лет идти за собою в делах международной политики.

Ни греки, ни черногорцы, ни сербы не могли заставить нас воевать, *а беззащитные болгары, при этой самой беззащитности своей, взбунтовавшись так решительно, принудили и нас обнажить против Турции привычный нам меч!*

Одно время любимой мечтой их было, втеревшись посредством экзархата в Царь-град, окрестить султана и других турок власти и влияния и стать самим во главе великой и новой православной империи, которая могла бы постепенно отбросить «стареющую» Россию далеко на север.

«Берегитесь, – сказал Сулла (про юношу Цезаря), – в этом мальчишке сидят десять Мариев!» Берегитесь – говорю и я уже не в первый раз...

Примечания

1

1880 года – не забудем (Примеч. 1885 г.)

[^^^]